

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ СРЕДНЕГО КЛАССА на УКРАИНЕ

Средний класс является, по всеобщему признанию, социальной базой рыночной экономики и политической демократии. “Средний класс” – понятие достаточно размытое. В развитых демократических странах основным критерием принадлежности человека к этому классу принято считать определенный доход, полученный из легальных источников и обеспечивающий достойный уровень жизни. Когда представителей среднего класса большинство, у государства есть необходимые предпосылки для стабильного развития в условиях рыночной экономики и политической демократии.

В настоящее время среднего класса как системообразующего основания социальной структуры на Украине нет и его появления в ближайшем будущем ожидать не следует. Что касается отдаленной перспективы, то оценить ее можно только в общем контексте изменения социальной структуры в трансформирующемся посткоммунистическом обществе.

Теория изменения социальной структуры основывается на достаточно длительном наблюдении за процессом становления западного общества, в котором основы социальной стратификации и демократические институты складывались столетиями. Сегодня сформировалась “ромбовидная” модель социальной стратификации, в которой “верхи” и “низы” составляют меньшинство, а системообразующим основанием является наиболее многочисленный средний класс, заинтересованный в сохранении и развитии данного типа социальной структуры.

В коммунистическом мире произошло разделение общества на два класса: партийную номенклатуру и массу. При этом существовали определенные различия между представителями номенклатуры разных уровней и между представителями других социальных слоев. Формировалась социально-статусная иерархия, имевшая форму треугольника, вершину которой занимала номенклатура. Стратегия развития социально-классовой структуры советского общества была направлена на достижение социальной однородности, в частности, путем зачисления широких масс трудящихся, в том числе крестьян и служащих, в ряды рабочего класса. Так, с 1960-го по 1985 год в УССР численность рабочих увеличилась почти вдвое при росте общего числа занятых в народном хозяйстве менее чем в полтора раза [1]. Рабочие в 1970 году составляли на Украине более половины “трудящихся”. Однако профессии и должности, позволявшие занять верхние ступени в социальной иерархии, стали предметом массовых ориентаций молодежи [2]. Этот “переворот” стал одним из факторов дестабилизации сложившейся социальной иерархии, поскольку нереализованность первоначальных статусных притязаний вела к росту неудовлетворенности представителей новых когорт социальной системой, которая не могла разрешить конфликт между идеологической установкой на формирование повышенных притязаний и заостренней социальной структурой. На рубеже 80-х - 90-х годов произошел резкий подъем уровня социальных притязаний молодежи (В.С.Магун назвал этот процесс “революцией притязаний” [3]).

Для удовлетворения новых амбиций и притязаний были нужны новые привилегированные социальные позиции. Оказалось слишком много претендентов на места в узком круге советской элиты. В результате нарастающие притязания были направлены в сферу частной экономической деятельности. Возникли и институты частного предпринимательства.

Подавляющая часть правящей бюрократии и большинство рядовых граждан в то время не были заинтересованы в принципиальном изменении социальной стратификации. В социалистической системе воспринимались как должное гарантированная занятость и

возможность вертикальной мобильности для выходцев из рабочего класса и крестьянства. Это требовало избыточного количества рабочих мест и престижных социальных позиций. В последние годы пребывания Украины в составе СССР на одного учителя в среднем приходилось 8,2 ученика, тогда как в развитых странах Запада – 15,3, а в развивающихся 29,3 [4]. Нигде в мире не было такой высокой доли врачей в составе населения. Аналогичная ситуация сложилась в большинстве социально-профессиональных позиций, связанных с трудом высшей квалификации. Это обеспечивалось несоответствием оплаты труда уровню квалификации и современным стандартам материального обеспечения, организации и качества трудовой деятельности.

Невыплаты наличных средств и остановка предприятий – результат своеобразной защиты бюрократией, сдерживающей реформы, интересов социальных групп и слоев, для которых ломка социальной структуры в процессе реформирования экономики означает радикальное сокращение занятости по основной профессии и необходимость жесткой конкуренции на рынке труда.

Даже в России, значительно опередившей Украину в социально-экономическом реформировании, до сих пор в основных чертах сохраняется прежняя “стратификационная модель”, имеющая “пирамидально-веретенообразную форму”, когда большинство людей сосредоточено в базовом слое [5, с. 17]. При этом за годы независимости России численность занятых в государственном управлении выросла почти в полтора раза. Основная причина роста аппарата управления в постсоветских государствах – необходимость обслуживать наряду со старой социальной структурой, по остаточным нормам которой все еще живут представители наиболее массовых социальных слоев, также и новообразованный “бизнес-слой”: мелких предпринимателей, торговцев и т.п. Среди разросшейся бюрократии идет незримая война за управленческие функции и рабочие места, связанные с контролем над новыми структурами.

В условиях, когда старая социальная структура в основном сохранилась, а партийная номенклатура переросла в правящую деидеологизированную бюрократию, пополнившую свои ряды удачливыми демократическими лидерами, в обществе возникла параллельная социальная структура. В нее вошли социально-классовые и профессиональные группы, которые по численности составляли явное меньшинство. Но их притязания на собственность и доход превосходили запросы представителей традиционных и наиболее массовых слоев.

Новая социальная структура выступает в роли “теневого кабинета” трансформирующегося посткоммунистического общества, поскольку основной источник ее развития – теневой сектор экономической, политической и духовной жизни общества. Однако ее влияние на общественную жизнь становится соизмеримым (а в отдельных аспектах доминирующим) по сравнению с влиянием традиционной структуры, опирающейся на остаточный государственный патернализм [6]. Это явление отражается в массовом сознании. Так, оценивая роль социальных групп в государственном строительстве, участники общенациональных опросов последних лет на первое место ставят мафию (преступный мир), работников госаппарата и предпринимателей, тогда как оценка роли больших социальных групп, составлявших ядро старой социальной структуры, с каждым годом снижается (см. табл. 1).

Таблица 1

Общественное мнение о влиянии различных социальных групп на государственное строительство с 1994 по 1996 годы, %

“Какие социальные группы играют значительную роль в государственном строительстве Украины?”:	1994, май N=1807	1995, май N=1810	1996, май N=1800
Мафия, преступный мир	34	42	34
Работники госаппарата	29	26	27
Предприниматели	24	25	22
Рабочие	24	22	17
Крестьяне	21	19	14
Интеллигенция	16	13	11
Руководители госпредприятий	16	14	11
Руководители колхозов, совхозов	11	12	7
Политики-коммунисты	11	10	8
Политики-националисты	10	10	8
Политики-демократы	10	10	11
Работники милиции, службы безопасности	8	11	7
Военные	7	9	6
Пенсионеры	2	2	1
Другие	1	1	1
Никто	4	4	4
Затруднились ответить	18	15	19

Респонденты могли дать несколько ответов. В иерархии влияния социальных групп, сложившейся в массовом сознании, ведущая роль отводится мафиозным структурам. Причем мафии отводят ведущее место в строительстве государства жители всех регионов Украины. Даже в западном регионе, где идея приоритета строительства национальной государственности имеет глубокие корни, разочарование нынешним “мафиозным” характером развития государственности в стране проявляется почти в той же мере, что и на “русифицированном” Востоке. И чем чаще люди связывают государственно-политический процесс с интересами мафиозных структур, тем в большей мере они начинают переориентироваться на сугубо индивидуалистическую позицию, связанную с возможностью собственного выживания.

Тенденцию ослабления идентификации со всеми группами и общностями в течение достаточно короткого срока социологических наблюдений в России (с мая 1992 по март 1993 года) отметил В.А. Ядов [7]. Аналогичная тенденция наблюдалась примерно в тот же период и на Украине: высокий уровень социальной не востребоваемости у большинства представителей основных социальных групп (демографических, региональных, социально-профессиональных, социально-классовых) был зафиксирован Н.В.Паниной [8].

Разумеется, не только отождествление государства и общества с гигантским мафиозным кланом обуславливает социальное отчуждение личности. Ослабление идентификации с большими социальными группами и обществом в целом – следствие значительных трансформаций социальной структуры. Отчуждаясь от традиционной ценностно-нормативной системы и утрачивая прежнюю структуру социальной идентичности, человек становится более подготовленным к восприятию новых норм и освоению новых социальных позиций в изменившейся статусно-престижной иерархии. Среди преимуществ отказа от групповой идентичности в пользу индивидуализации, когда в обществе назревают кардинальные изменения, лежит фундаментальная закономерность, на которую обратил внимание Г.Зиммель: “Между волеием и действием, устремлением и достижением, средствами и целями общности разрыв меньше, чем между теми же моментами в области индивидуальной” [9]. Отказ от групповой “заданности” социального поведения и нарастающая индивидуализация открывают перед личностью широкий выбор перспективных социальных позиций. Однако такого рода подготовка к социальным изменениям чревата серьезными социально-психологическими последствиями, связанными с деморализацией личности, когда отчуждение от старой ценностно-нормативной системы и утрата привычной идентичности не подкреплены соответствующими адаптивными способностями. Так, 47% граждан Украины, опрошенных в мае 1995 года, отметили, что им не хватает умения жить в новых общественных условиях, и только 14% были уверены в том, что им этой способности хватает (остальные не смогли дать определенный ответ).

Не обнаруживая способностей жить в новых условиях, когда старая социальная позиция, хотя формально и сохраняется, но постоянно девальвируется, а свое место в новой структуре нужно находить средствами, которые недоступны или неприемлемы, человек испытывает чувство неудовлетворенности обществом и своим положением. Причем на Украине это чувство приобрело преобладающий характер уже в первый год ее независимого существования, а в последующем наблюдалась тенденция дальнейшего распространения массовой неудовлетворенности (см. табл. 2).

Таблица 2

Удовлетворенность граждан Украины своим положением в обществе, %

Вопросы об удовлетворенности время проведения обследования	В целом удовлетворены	В целом не удовлетворен	Трудно сказать
<i>Удовлетворены ли вы своим положением в обществе в настоящее время?</i>			
1992, апрель	16	51	33
1994, май	13	63	24
1995, май	12	62	26
1996, май	11	64	25
<i>В какой мере вас удовлетворяет то, что вы получаете от общества?</i>			
1992, апрель	9	60	31

1994, май	6	65	29
1995, май	7	66	27
1996, май	7	65	28
<i>В какой мере вас удовлетворяет то, что вы даете обществу?</i>			
1992, апрель	26	24	50
1994, май	16	27	57
1995, май	22	29	49
1996, май	19	30	51

Эмоциональное восприятие своего места в обществе, отраженное в ответах, обуславливает оценку собственного социального статуса и соответствующего общественного престижа. Так, определяя свою позицию в социальной иерархии, 78,2% респондентов отвели себе место на нижних ступенях “статусной лестницы” и лишь 0,5% – на верхней ступени. Таким образом, на Украине в лучшем случае существует “низший средний класс”, который вряд ли может выступать гарантом социальной стабильности и движущей силой рыночных реформ. Именно низший средний класс, разочарованный и недовольный деятельностью демократического правительства, привел германских нацистов к власти.

Разумеется, субъективные оценки – не самый строгий критерий социальной дифференциации. Однако в условиях экономической нестабильности и аномии, характерной для посткоммунистических государств, традиционные объективные критерии (легальный доход, облагаемый налогом, уровень образования, должность и т.п.) менее информативны, чем субъективные показатели. Низкие зарплаты на наиболее престижных государственных должностях, а также массовое уклонение от уплаты налогов с дополнительных доходов вносят такие искажения в объективную картину стратификации, что использование подобного рода критериев приводит к принципиальным ошибкам в изучении реальной статусной иерархии и прежде всего иерархии уровней благосостояния людей. Поэтому при оценке социальных ресурсов и потенциальных возможностей формирования среднего класса следует опираться на анализ самооценок социального и материального положения, которые тесно связаны с социальным самочувствием людей. А поскольку нормальное социальное самочувствие – одна из существенных черт среднего класса, являющаяся основой стабильного демократического развития общества, выбор субъективных критериев не должен рассматриваться как исследовательская “уловка”, позволяющая обходить трудности оценок по объективным социальным критериям.

Существующая дифференциация общества по материальному положению далека от того, чтобы в ней можно было обнаружить нечто большее, чем структурно неоформившийся зародыш среднего класса как такового. Так, оценивая в мае 1996 года материальный уровень своей семьи по 11-балльной шкале (1 – самый низкий уровень, 11 – максимально высокий): только 1,5% граждан Украины отвели своим семьям место на четырех верхних ступенях, тогда как на четырех нижних оказались свыше 70% опрошенных). Три средних позиции (с пятой по седьмую) заняли примерно 25% опрошенных. Их можно отнести в формирующемуся среднему классу.

На Украине не проводились специальные исследования, позволяющие определить количественный состав среднего класса или его “прообраза” в нынешних общественных условиях. В России первые исследования такого рода осуществлены под руководством Т.И.Заславской. В результате детального анализа взаимосвязи различных элементов социальной структуры российского общества были выделены четыре иерархических слоя:

“верхний средний” (1,5%), “средний” (20-25%), “базовый” (примерно две трети), “нижний” (около 10%) [5, с. 13]. Заметим, что распределение по стратам в России похоже на то, что было получено на Украине методом прямой самооценки материального положения. Это совпадение – не единственное косвенное свидетельство тождественности социальных структур в российском и украинском обществах.

Россия – бесспорный лидер в осуществлении рыночных реформ. Ее ресурсы и потенциал формирования среднего класса, казалось бы, должны быть выше, чем на Украине. Однако результаты самооценок материального положения как “среднего” этого не обнаруживают. Так, по данным ежемесячного мониторинга ВЦИОМ, с марта 1993 по сентябрь 1995 года удельный вес россиян, оценивавших материальное положение своей семьи как среднее, колебался от 42% (март 1995 года) до 51% (сентябрь 1993 года.) [10]. На Украине эти колебания – в том же диапазоне и с той же тенденцией ухудшения, что и в России (табл. 3).

Таблица 3

Самооценка жителями Украины уровня материального обеспечения, %

<i>“К какой группе по уровню материального обеспечения вы себя относите?”</i>	1994, май N=1807	1995, май N=1810	1996, май N=1800
• высокообеспеченным_	0,2	0,5	0,3
• имеющим средний достаток	51,8	42,1	42,3
• малоимущим	48,0	57,4	57,4

Учитывая, что в России среднедушевой доход (в долларовом исчислении) существенно превосходит украинский, возникает соблазн закончить сравнительный анализ выводом о том, что никакого значения для социального самочувствия (люди одинаково плохо чувствуют себя в обоих названных государствах) и самоидентификации со средним слоем продвижение страны по пути реальных реформ не имеет.

Однако такой вывод справедлив только для кратковременной перспективы, когда действительно нельзя ожидать ни существенного улучшения социального самочувствия, ни формирования преобладающего среднего класса. Что же касается более отдаленной перспективы, то между Россией и Украиной существует важное различие, которое может значительно увеличить время продвижения последней к развитой экономике и формированию среднего класса. Как показывают массовые опросы, в последние три года 6-8% россиян неизменно оценивают материальный уровень своей семьи как хороший или очень хороший. На Украине таких людей (при любой формулировке вопроса о материальном благополучии), не более 2%. Собственно, среди них и следует искать реальный ресурс среднего класса, сопоставимого со средним классом в развитых демократических государствах, поскольку только представители этой категории населения имеют реальный опыт достижения такого уровня материального благосостояния, который бы их вполне устраивал.

Если не считать нуворишей и некоторую часть коррумпированных высокопоставленных чиновников, которые уже сегодня создали закрытый для сторонних наблюдателей слой со всеми признаками корпоративной замкнутости и круговой поруки,

на Украине почти нет граждан, которые относят себя к категории высокообеспеченных, тогда как группы “бедняков” и “средняков” сохраняются. Субъективная “бедность” и субъективный “средний достаток” в современных условиях развития экономики Украины ничем принципиально не отличаются. Так, обеспеченность собственностью и бытовыми товарами длительного пользования, обнаруженная в исследовании “Доходы и расходы населения Украины”, проведенном в 1995 году, принципиально не отличалась в трех выделенных группах – бедных, малоимущих, обеспеченных [11].

И даже тот факт, что более 10% респондентов, попадающих в последние два года в выборку массовых опросов, работают в частном секторе экономики, никак не влияет на субъективную стратификацию. Это лишний раз подтверждает современное маргинальное положение большинства представителей новых социальных групп, рожденных рыночной социальной стихией, но этой стихии не доверяющих. Даже если “частники” боятся сказать, что живут хорошо, это свидетельствует о маргинальности данного слоя, его нынешней чужеродности в общественной системе, где факт материального благополучия нужно скрывать. Но более вероятна искренняя неуверенность большинства людей в том, что они живут хорошо.

Маргинальность новой социальной группы определяется прежде всего стадией ее развития и соответствующей мерой интеграции с общей социальной структурой. В связи с этим рассмотрим основные стадии развития новой группы – от ее возникновения до полной интеграции или распада.

1. Возникновение общего для определенной части членов общества интереса в связи с теми или иными социальными изменениями.

2. Демонстрация этого интереса отдельными представителями данной группы, становящимися лидерами группы, и появление общего для всех членов группы названия.

3. Институционализация группового интереса – выработка атрибутики и групповых норм, их согласование (или конфликт) со статусно-ролевой иерархией в обществе.

4. Конфликт с интересами других групп: а) вытеснение соперничающих групп, б) уход на периферию или заполнение бреши в социальной структуре.

5. Внутренняя дифференциация группы по интересам.

6. Внутригрупповой конфликт: а) саморазрушение группы, б) перерождение в новую группу на основе интереса части данной группы, в) вовлечение в конфликт всего социума и его кардинальное изменение.

Цикл существования новой группы можно продемонстрировать на примере рождения и перерождения высшего слоя “советского общества” – партийной номенклатуры. Процесс перерождения монолитной в прошлом властвующей советской элиты описан в социологической литературе как “распад иерархически организованной властвующей пирамиды и обособление разных типов и функций элитарных структур” [12] или как “децентрализация власти, превращение ее из моноцентрической в полицентрическую” [13]. Что касается оценки положения среднего класса в социальной структуре постсоветского общества, то его положение определяется началом второй стадии развития, когда фиксируются отдельные разрозненные попытки демонстрации интереса этого немногочисленного социального слоя, но еще не появились лидеры, способные консолидировать и выразить интересы. Об этом, в частности, свидетельствует ограниченная поддержка политических партий и движений электоратом. Партии либеральной и умеренной социал-демократической направленности как традиционные выразители интересов среднего класса не пользуются существенной поддержкой ни в России, ни на Украине. Начальная стадия развития среднего класса как основы будущей социальной структуры демократического украинского общества определяет необходимость рассматривать современное состояние социально-экономических реформ как несоответствующее декларированным целям демократизации страны и развития свободной рыночной экономики.

Как показал опыт последних лет, попытки осторожного продвижения Украины по пути рыночных преобразований в экономике не приносят успеха. В обществе нарастает разочарование как в самой идее реформ, так и в способности государства обеспечить экономический прогресс, соблюдение законности и социальную стабильность. Альтернатива социально-экономическому курсу первых лет независимости – либеральная стратегия развития, связанная с радикальной приватизацией, формированием сильного класса собственников, а в конечном итоге – преобладающего среднего класса, заинтересованного в экономическом прогрессе и социальной стабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Украинская ССР в цифрах в 1987 году: Краткий статистический справочник. Киев.: Техника, 1988. С. 106.
2. *Чердниченко Г.А., Шубкин В.Н.* Молодежь вступает в жизнь. М.: Мысль, 1985. С. 32.
3. *Магун В.С., Литвинцева А.З.* Жизненные притязания ранней юности и стратегия их реализации: 90-е и 80-е годы. М.: Ин-т социологии РАН, 1993; *Магун В.С.* Революция притязаний и изменение жизненных стратегий в столицах и провинции // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 306-317.
4. Україна: Соціальна сфера у перехідний період: Аналіз Світового банку. Київ в: Основи, 1994. С. 118.
5. *Заславская Т.И.* Трансформация социальной структуры российского общества // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 17.
6. *Дергачов О., Макеев С.* Три роки української незалежності: тенденції суспільного розвитку // Політична думка. 1994. № 4. С. 3-8.; *Чорноволенко В.* Особливості соціально-статусного розширення за умов становлення ринкової економіки // Політичний портрет України. 1996. № 16. С. 3-23.
7. *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 50.
8. *Паніна Н.В.* Спосіб життя і психологічний стан населення за умов переходу від тоталітаризму до демократії : Автореферат дис. на здобуття наук. ступ. доктора соціолог. наук. Київ в: Ін-т соціології НАНУ, 1993. С. 28.
9. *Зиммель Г.* Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996. С. 393.
10. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 53.
11. Доходи та витрати домогосподарств України. Літо 1995 року. (Інформація про вибіркоче оціночне обстеження). Київ в: Київський міжнародний інститут соціології, 1996. С. 58.
12. *Левада Ю.А.* Возвращаясь к феномену "человека советского": проблемы методологии анализа // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 18.
13. *Вишневский А.Г.* Модернизация России: позади или впереди? // Куда идет Россия?. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 214.